

ГАЛАКТИКА НА ИЗОЛЕНТЕ

ЗОЛОТЫЕ ПОГОНЫ, РЖАВЫЕ ДЮЗЫ

Lost In Space

Lost Space

Золотые погоны, ржавые дюзы

<https://litres.ru/74037669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максиму Чехову пророчили блестящую карьеру. Лучший выпускник Имперской Космической Академии, он мечтал нести свет человеческого разума и калибр главного орудия на мостике новейшего дредноута... Но у Родины на героев свои планы. Вместо элитного флота Макс получает распределение на «Аскольд» — исследовательское судно, которое держится в вакууме исключительно на честном слове, сарказме механика и километрах синей изоленты.

Галактика полна пиратов, беззакония и высокомерных инопланетян — таких как ксаарианцы, которые выглядят точь-в-точь как люди, но смотрят на землян как на ошибку эволюции.

Экипажу предстоит пересечь Дикий Космос по тайному заданию Главного Имперского Управления, чтобы найти станцию мифических Предтеч и добыть технологии, необходимые человечеству для выживания.

Плазменные щиты чужих против нашей наглости? Древние артефакты против лома и смекалки? Ну держись, Галактика. Русский космофлот слов на ветер не бросает — он ими ругается в открытом эфире!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Lost In Space

Золотые погоны, ржавые дюзы

Глава 1

Парадный марш и суровая реальность

Золото. Оно ослепительно блестело под лучами искусственного солнца под огромным прозрачным куполом плаца, отражалось в надраенных пуговицах парадного мундира и приятно грело душу. Я чуть скосил глаза, стараясь не поворачивать головы в строю, и любовался ими — новенькими, тяжелыми, идеальными лейтенантскими погонами.

Максим Чехов, лучший выпускник Имперской Космической Академии России, или просто ИКАР. Звучит? Еще как звучит. Особенно если учесть, что до поступления я был самым обычным парнем из спального сектора Ново-Москвы, где пределом мечтаний и вершиной карьерного роста считалась должность старшего оператора погрузчика на лунной гелиевой шахте. А теперь? Теперь я элита. Без пяти минут повелитель звездных пространств, гроза космических пиратов, надежда человечества и вообще очень важный человек.

Парадный мундир сидел как влитой, хотя воротник без-

можно натирал шею, а под тяжелой тканью я медленно, но верно варился в собственном соку. Но это были мелочи. Ради такого момента стоило потерпеть. Пять лет муштры, высшей математики, астронавигации, рукопашного боя и бесконечных симуляций. О, эти симуляции! Моя дипломная работа по прорыву плазменных щитов ксаарианцев с помощью кинетических болванок, гравитационного маневра и такой-то там матери заняла первое место на курсе. Инструкторы тогда только качали головами, глядя, как мой виртуальный эсминец, лишившись половины двигателей, таранит флагман чужаков, предварительно сбросив на него весь запас мусорных контейнеров для перегрузки сенсоров. «Нестандартное тактическое мышление», — так это назвали в личном деле. «Форменное слабоумие и отвага», — так это охарактеризовал наш куратор, майор Бугров. Но победителей не судят.

С высокой трибуны вещал ректор Академии, адмирал флота в отставке Звягинцев. Его голос, щедро усиленный новейшими акустическими системами, гремел, отражаясь от купола, как двигатели тяжелого дредноута на форсаже.

— ...и помните, господа офицеры! Земная Империя делает лишь свои первые, неуверенные шаги в Большом Космосе! Мы вышли за пределы Солнечной системы и обнаружили, что Галактика — это не райские кущи, ждущие своих исследователей. Галактика полна опасностей, беззакония и основана на праве сильного!

Адмирал сделал драматическую паузу, обводя строй суровым взглядом. Я мысленно зевнул, хотя внешне сохранял выражение непреклонной решимости. Эту речь мы слышали на каждом смотре.

— Варвары, пираты, высокомерное чужачье всех мастей и только и ждет, чтобы оторвать кусок от нашего дома! Старшие расы смотрят на нас, как на выскочек! Но вы — стальной щит Земли! Вы понесете свет человеческого разума, нашу культуру и, самое главное, калибр наших орудий в самые темные уголки Вселенной! Вы заставите их уважать земной флаг!

Я едва заметно выпятил грудь. «Калибр наших орудий» — это он хорошо сказал. Очень жизненно. Я уже живо представлял, как стою на мостике новейшего тяжелого дредноута класса «Богатырь». Я же с отличием сдал тактику эскадренных боев! Меня точно ждет распределение в Первый Ударный Флот, который сейчас патрулирует орбиту Сириуса. Буду командовать батареей главного калибра, а по выходным крутить романы с хорошенькими связистками. Жизнь удалась.

— Академия гордится вами! — рявкнул Звягинцев, багровея от напряжения, и над плацем с оглушительным ревом взмыла эскадрилья парадных атмосферных истребителей, оставляя за собой густой дымный шлейф в цветах имперского флага. — Вольно! Разойтись по терминалам для получения распределения! За Императора и Терру!

— За Императора и Терру! — гаркнул строй в тысячу глоток так, что заложило уши.

Строй распался. Новоиспеченные лейтенанты, радостно гомоня, обнимаясь и хлопая друг друга по плечам, устремились к информационным стойкам, расставленным по периметру плаца. Я шел не спеша, с достоинством, как и подобает будущему адмиралу. Пару раз благосклонно кивнул однокурсникам.

— Чехов! Макс, стой! — окликнул меня Витька Смирнов, мой сосед по кубрику, замыкавший десятку лучших в нашем выпуске. Он подбежал, тяжело дыша, его фуражка съехала набекрень. — Ну что, спорим, тебя на «Илью Муромца» распределяют? Это же флагман третьей эскадры! Слышал, они сейчас в секторе Ориона пиратов гоняют. Романтика!

— Посмотрим, Витя, посмотрим, — скромно, но с тайным превосходством ответил я, поправляя манжеты. — Лишь бы не в патруль орбиты Марса или Юпитера. Там же со скуки умереть можно. Летаешь по кругу, ловишь контрабандистов с паленой марсианской текилой, да пыль с радара стираешь.

— Да брось, с твоими баллами по тактике! — отмахнулся Витька. — Ладно, давай к терминалу, я уже сгораю от нетерпения.

Мы подошли к одному из свободных инфокиосков. Я, как первый по рейтингу, имел право узнать свою судьбу вне очереди. Глубоко вдохнув, я приложил идентификационный

браслет к стеклянной панели сканера. Экран мигнул синим, зеленоватый луч быстро пробежался по моей сетчатке, подтверждая личность. Система тихо пискнула.

На экране вместо привычной эмблемы Военно-Космического Флота вдруг высветился суровый двуглавый орел, сжимающий в когтях не скипетр и державу, а стилизованные орбитальные кольца и пучок молний. Герб Главного Имперского Управления. Ого. Сам ГИУ. Значит, не просто линейный флот, а разведка или спецназ. Сердце радостно екнуло и забилось в два раза быстрее. Спецоперации! Внедрение! Секретные протоколы!

Я жадно впился глазами в строчки электронного приказа: *«Лейтенант Чехов М.А. Личный номер: ИК-774-91. Назначение: Борт-офицер, наводчик орудийных систем, офицер тактического планирования. Место несения службы: Исследовательское судно "Аскольд". Приказ: Явиться в док 43 Южного орбитального кольца не позднее 18:00 по стандарту Земли. Форма одежды: походная. Срок командировки: не определен».*

Я моргнул. Потом протер глаза. Потом постучал указательным пальцем по бронированному экрану терминала — мало ли, пиксели залипли или матрица поплыла от жары под куполом.

Исследовательское судно? «Аскольд»?

Лихорадочно открыл закрытый справочник флота прямо в терминале, благо мой новый уровень допуска от ГИУ уже

начал действовать, и вбил название корабля.

— Ну что там, Макс? — над плечом нетерпеливо навис Витька, сияя как сверхновая. — Куда тебя? Меня на эсминец «Быстрый»! Будем Внешнее кольцо охранять от залетных ксаарианских торговцев! А тебя?

Я молча смотрел на экран, где вместо стремительных, хищных обводов современных боевых кораблей медленно вращалась трехмерная голографическая модель «Аскольда».

Моя челюсть с тихим стуком отвалилась и повисла где-то в районе золотых пуговиц.

Это был не крейсер. Это был не эсминец. И даже не корвет. Это был... кирпич. Летающий металлический кирпич, страшно похожий на старый утюг, к которому пьяный сварщик приварил по бокам массивные разгонные блоки. Причем блоки выглядели так, будто их сняли с маневрового грузового тягача прошлого века. Класс судна значился как «малый разведчик дальнего радиуса действия модификации З-Бис». Год спуска со стапелей заставил мой глаз нервно дернуться — этот летучий голландец бороздил просторы вселенной еще до того, как я родился. Вооружение в карточке было скромно помечено грифом «Секретно» (что в переводе с армейского на человеческий обычно означает «снято за ненадобностью, сгнило или украдено ушлым прапорщиком на запчасти»).

На одной из проекций, на левом борту этого недоразумения, явственно виднелась заплатка из бронелиста совершен-

но другого цвета, приклепанная, казалось, поверх основной обшивки.

— Меня... — я с трудом сглотнул подкативший к горлу ком размером с астероид средней величины. — Меня в глубокий поиск.

— Ого! — уважительно, даже с некоторой завистью протянул Смирнов, не замечая моего предынфарктного состояния. — ГИУ? Секретная миссия? Новейший корабль-невидимка? Стетелс-технологии, да?

— Очень секретная, — мрачно кивнул я, закрывая вкладку, пока Витька не разглядел этот позор земного кораблестроения. — Настолько невидимая, Витя, что ее даже на радарх приличных доков не показывают во избежание массового эстетического шока у диспетчеров.

Ответив на еще пару дежурных поздравлений от проходящих мимо однокурсников и криво улыбаясь в ответ, я на негнущихся ногах побрел к выходу из Академии. Суровая реальность с размаху ударила меня по золотым погонам, сбив всю спесь.

Я мечтал нести свет человеческого разума и калибр орудий. Мечтал прорывать вражеские строи и принимать капитуляцию инопланетных генералов на мостике охваченного пожарами флагмана. А вместо этого, похоже, буду нести вахту у запасных фильтров для системы регенерации воздуха на корыте, которое имеет все шансы развалиться на атомы при первом же неудачном переходе в гиперпространство.

Империя умела обламывать крылья еще до того, как ты успевал ими взмахнуть.

До Южного орбитального кольца я добирался на рейсовом космическом лифте, сменив парадный мундир на повседневную походную форму — темно-синий комбинезон с жестким воротом и магнитной подошвой на ботинках. В тесной капсуле лифта, пахнувшей озоном и дешевым дезинфектором, кроме меня ехали угрюмые вахтовики, пара мелких коммерсантов и семья туристов, летящих на лунные курорты. Никто не обращал внимания на мои новенькие лейтенантские звездочки. Здесь, за пределами тепличного мирка Академии, всем было плевать на твои оценки по астронавигации.

Перегрузка мягко вдавила в кресло, когда капсула лифта миновала плотные слои атмосферы и вышла в зону невесомости орбитального терминала. За иллюминатором раскинулась величественная картина Земли — сине-белой жемчужины, опутанной сверкающей паутиной орбитальных станций, доков, защитных платформ и космических верфей. Это был наш дом. Перенаселенный, шумный, местами грязный, но бесконечно родной.

Южное орбитальное кольцо считалось не самым престижным местом. В отличие от Северного узла, где базировались эскадры Первого Флота, сияющие хромом и гордостью, Южное Кольцо было сборной солянкой. Здесь швартовались дальние разведчики, независимые торговцы, мутные част-

ные компании по добыче руды в Поясе Койпера и корабли различных научных институтов с вечным дефицитом бюджета.

Выбравшись из лифта, я сверился с навигатором на коммуникаторе и зашагал по длинным, изогнутым коридорам станции. Вокруг кипела жизнь. Техники в замасленных робах тащили какие-то ящики, из динамиков на трех языках (русском, английском и упрощенном китайском) орала реклама дешевых запчастей для маневровых двигателей, где-то вдалеке искрила сварка.

Сектор 43 находился на самых задворках кольца. Чем дальше я шел, тем тусклее становилось освещение и тем больше мусора попадалось под ноги. Наконец, створки шлюза с облупившейся цифрой "43" нехотя разъехались в стороны, издав душераздирающий металлический скрежет.

Я шагнул на смотровую галерею дока и замер.

В огромном, слабо освещенном ангаре, подвешенный на магнитных захватах, висел «Аскольд». Вживую он выглядел еще хуже, чем на голограмме. Обшивка, когда-то, видимо, бывшая серой, теперь пестрела всеми оттенками бурого, черного и грязно-белого. На носу виднелись глубокие борозды — словно корабль однажды пытался затормозить о метеоритный поток, и у него это почти получилось. Антенный комплекс дальней связи подозрительно кренился набок и был замотан в нескольких местах толстым слоем промышленной синей изоленты. Той самой, которой в нашем фло-

те традиционно крепили всё, что отказывалось держаться на болтах.

Возле опущенной аппарели суетились погрузочные дроны, затаскивая в трюм провизию и ящики с маркировкой ГИУ. На самой аппарели стоял высокий, худой человек в потертой кожаной куртке поверх неуставного свитера. Он курил сигарету — прямо в доке, что было строжайшим нарушением всех мыслимых правил пожарной безопасности — и мрачно смотрел на искрящий силовой кабель.

— Ну, здравствуй, слава, — тихо пробормотал я сам себе. — Здравствуй, великое будущее.

Я поправил фуражку, нацепил на лицо самое невозмутимое выражение, на которое был способен, и твердым шагом направился вниз по лестнице, навстречу своей суровой реальности. Приказ есть приказ. В конце концов, даже самый ржавый утюг может больно ударить, если его правильно метнуть. А метать нас, судя по всему, собирались очень далеко.

Глава 2

Ведро с болтами и секретами

Я стоял на металлической аппарели, сжимая в руке уставной вещмешок, и пытался переварить происходящее. В моей голове, доверху набитой тактическими схемами, уставами и мечтами о героических свершениях, гигантский говорящий хомяк с разводным ключом никак не хотел укладываться на полочку с надписью «Военно-Космический Флот Империи».

— Лейтенант Чехов Максим Андреевич, — наконец выдал я, вспомнив, что офицеру ИКАР положено сохранять лицо при любых обстоятельствах, даже если это лицо сейчас отчаянно хочет нервно дергаться. — Прибыл для прохождения службы в качестве борт-офицера и наводчика оружейных систем. За Императора и Терру!

Мужчина в потертой кожаной куртке затянулся сигаретой в последний раз, щелчком отправил окурочек куда-то в темноту под днище корабля (нарушение устава, пункт 4.12, пожарная безопасность на причале!) и шагнул мне навстречу. Только тут я заметил, что он прихрамывает. Причем прихрамывает с характерным металлическим лязгом. Из-под левой штанины выглядывал блестящий поршень кибернетического протеза. Судя по грубым сварным швам, ногу ему собирали не в элитной клинике на Земле, а где-то в гараже на астероиде.

— За Императора и Терру, — без всякого пафоса, скорее с легкой усталостью отозвался он. Голос у него был под стать внешности — скрипучий, как несмазанная шлюзовая дверь. — Капитан первого ранга Воронов. Командир этого... исследовательского судна. Добро пожаловать на борт «Аскольда», лейтенант.

Он протянул руку с мозолями, больше подходящими шахтеру, чем офицеру флота. Я пожал ее. Хватка у капитана оказалась железной.

— А это Гриня, — Воронов кивнул на хомяка-переростка, который уже успел вытащить откуда-то из бездонных карманов своего мазутного комбинезона горсть чего-то подозрительно напоминающего кедровые орехи, и теперь с хрустом их лузгал, сплевывая скорлупу прямо на аппарель. — Гриня у нас младший помощник старшего механика. Хромб, как он сам изволил выразиться.

— И единственный на этой ржавой посудине, кто понимает, что если плазмовод замотать скотчем, он все равно рванет! — проворчал Гриня, ловко отправляя в рот очередную порцию орехов. — Лысые приматы. Никакого уважения к технике. Я бы вас на свою историческую родину даже чистить грави-туалеты не пустил!

— Не обращай внимания, лейтенант, он всегда такой. У них, хромбов, метаболизм быстрый, вот они и суетятся. Пошли внутрь, покажу тебе твои владения, — Воронов развернулся и, прихрамывая, зашагал по аппарели вверх.

Я последовал за ним. Внутри «Аскольд» оказался еще более впечатляющим, чем снаружи. Впечатляющим в том смысле, что я вообще не понимал, как это корыто удерживает атмосферу.

Узкие коридоры освещались тусклыми желтоватыми лампами, половина из которых раздражающе мигала. Со стен свисали пучки кабелей, заботливо подвязанные — да, вы угадали — синей изоляцией. Местами декоративная пластиковая обшивка отсутствовала, обнажая серый, поцарапанный металл переборки. В воздухе висел стойкий аромат озона, застарелого машинного масла и чего-то неуловимо напоминающего жареную картошку с луком.

— Не смотри на интерьер, лейтенант, — бросил через плечо Воронов, заметив, как я брезгливо перешагиваю через лужу какой-то технической жидкости. — Мы тут не для проведения дипломатических раутов.

— Капитан, разрешите обратиться? — я не выдержал. — При всем уважении, я лучший выпускник боевого факультета ИКАР. Мой профиль — тяжелые корабельные орудия, расчет траекторий для плазменных торпед и тактика эскадренного боя. Какого черта... простите, почему меня прислали на исследовательское судно, на котором, судя по внешнему виду, из оружия только разводной ключ уважаемого Григни?

Из-за моей спины раздалось возмущенное пыхтение хомяка, который семенил следом.

— Эй, полегче, золотопогонник! Мой ключ — это артефакт! Я им на Тортуге-9 одному ксаарианскому штурмовику шлем проломил!

Капитан Воронов остановился возле бронированной двери с надписью «Кают-компания», повернулся ко мне и впервые улыбнулся. Улыбка вышла кривой и какой-то хищной.

— Глазастый, значит? Учился на отлично? Тогда посмотри внимательнее, лейтенант. Направо и вверх.

Я послушно проследил за его взглядом. Там, под облупившимся потолочным перекрытием, проходила толстая, экранированная труба, выкрашенная в тускло-зеленый цвет. Я присмотрелся. Труба была сделана из полимерно-усиленного вольфрама. Такие трубы использовались только для одной цели — отвода излишков тепла от оружейных систем класса «А». От магистральных лазеров, способных прожечь дыру в небольшом астероиде.

Я перевел взгляд ниже. Силовой кабель, замотанный изоляцией, тянулся к неприметному щитку, на котором была полустертая маркировка военного стандарта.

— Вы что... — я сглотнул. — Это корабль-ловушка? Рейдер-призрак?

— Бинго, сынок. На языке ГИУ это называется «судно нетипичного функционала», — Воронов похлопал по металлической стене, как по крупу старого верного коня. — Официально «Аскольд» — списанный научный зондирующий, ищущий полезные ископаемые в поясах астероидов.

Неофициально... под этой ржавой и непрезентабельной шкурой скрывается маршевый двигатель от легкого эсминца, два генератора щита, которые жрут энергию как не в себя, и спаренная батарея курсовых плазменных излучателей. Плюс кое-что еще по мелочи. Мы — волк в очень, очень пожеванной овечьей шкуре.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок возбуждения. Значит, не свалка! Значит, ГИУ не ошиблось во мне!

— И почему эта шкура такая... пожеванная? — уточнил я, чтобы не казаться слишком восторженным.

— А ты думаешь, пираты в Диком Космосе клюнут на новенький, сияющий хромом корабль? — хмыкнул Воронов. — Они издали почуют военную выправку. А вот старое корыто с якобы неработающими сканерами — это легкая добыча. Они подходят поближе, чтобы взять на abordаж, и тут... сюрприз.

— Сюрприз, который обычно заканчивается тем, что мы горим, как дешевый фейерверк, потому что эти криворукие макаки в сухом доке Земли опять сэкономили на охладителях! — встрял Гриня, протискиваясь мимо нас. — Капитан, я пошел в машинное, иначе Михалыч там с горя напьется антифриза. Лейтенант, если хочешь жить, не трогай красные кнопки на своем пульте. Да и зеленые тоже не трогай. Вообще ничего не трогай без команды!

Хомяк скрылся за поворотом, сердито бормоча что-то на своем языке, в котором подозрительно часто проскакивали

слова «мать» и «перегрузка».

— Заходи, — Воронов толкнул дверь кают-компании. — Познакомлю с остальными.

Кают-компания представляла собой тесное помещение, в центре которого стоял поцарапанный пластиковый стол, прикрученный к полу болтами. Вокруг стола сидели двое.

Первый — грузный, лысеющий мужчина в промасленном комбинезоне с бейджиком «Михалыч». Перед ним стояла кружка с дымящейся темной жидкостью. Михалыч смотрел в одну точку взглядом человека, который постиг всю тщетность бытия и примирился с неизбежным концом Вселенной.

Второй — тощий, как жердь, тип в грязном медицинском халате поверх флотских штанов. Он увлеченно точил скальпель о кусок мелкой наждачки, напевая себе под нос веселенький мотивчик.

— Знакомьтесь, — возвестил Воронов. — Наше пополнение. Лейтенант Чехов. Гений тактики и стрельбы.

Михалыч медленно перевел на меня мутный взгляд.

— Еще один, — глухо пробасил он. — Очередной самоубийца с золотыми погонами. Вы хоть завещание написали, молодой человек?

— Отставить пораженческие настроения, старший механик, — осадил его Воронов. — Это приказ.

— Я не пораженец, капитан. Я реалист. Правый компенсатор сгорел. Гриня, конечно, обещал прикрутить туда зап-

часть от старой микроволновки, но если мы дадим полную тягу, наши атомы разбросает по трем соседним секторам. Здравствуйте, лейтенант. Добро пожаловать в ад.

— А я — Док, — радостно осклабился тощий, демонстрируя блестящий металлический зуб. Он отложил скальпель и потер руки. — Судовой врач, хирург, психолог и по совместительству кок. Кровь на анализ сдавать будем? А пункцию спинного мозга? У нас в дальнем поиске всякое бывает, лучше заранее собрать биоматериал. А вдруг вам ногу оторвет? А у меня тут раз — и ваша группа крови в холодильнике!

Я невольно сделал шаг назад, поближе к капитану. Этот Док пугал меня гораздо больше гигантского грызуна с ключом.

— Док, отвяжись от парня, — отмахнулся Воронов. — Он нам нужен целым. По крайней мере, пока не настроит оружейные системы под свои хваленые академические алгоритмы.

Капитан указал мне на стул.

— Садись, Чехов. Слушай вводную. Через час мы отчаливаем. Наш маршрут пролегает через сектора, где власть Земной Империи заканчивается ровно там, где заканчивается дальнобойность наших пушек. Мы идем в Дикий Космос.

— Пираты? — уточнил я, стараясь звучать профессионально.

— Если бы только пираты. Пираты — это мелочи. Шваль, отбросы. У них пушки старые, а мозгов еще меньше, чем у

наших интендантов. Проблема в другом. Слышал про ксаарианцев?

Я кивнул. Еще бы. Главная заноза в заднице имперской дипломатии. Раса, которая внешне практически неотличима от нас, землян. Те же две руки, две ноги, та же физиология. Только вот технологии у них обгоняют наши лет на триста. И гонора столько, что хватило бы на целую галактику. Они считают этот сектор своим историческим наследием, а нас — грязными варварами, случайно вылезшими в космос и гадающими на их газонах.

— Так вот, лейтенант. ГИУ получило агентурные данные. Где-то в секторе Ориона находится объект. Станция Предтеч. Древняя раса, которая вымерла миллионы лет назад, оставив после себя кучу непонятных, но чертовски мощных игрушек. Тот, кто первым доберется до этой станции, получит технологическое преимущество, которое изменит баланс сил в Галактике. И ксаарианцы тоже ее ищут.

Я присвистнул. Вот это масштаб. Это вам не гонять контрабандистов. Это геополитика. Галактополитика!

— Наша задача, — продолжил Воронов, — найти станцию первыми. Вытащить оттуда все, что не прибито гвоздями, и привезти на Землю. А если прибито — оторвать и тоже привезти. Вопросы?

— Никак нет, капитан! — я выпрямился. — Готов приступить к выполнению! Где моя каюта и пульт управления огнем?

Воронов усмехнулся. — Пульт — в рубке, покажу позже. А каюта... Док, проводи лейтенанта в апартаменты.

Через пять минут я стоял перед крошечной дверью с номером «4». Док с веселой улыбкой втолкнул меня внутрь.

Каюта представляла собой пенал два на три метра. Откидная койка, крошечный металлический столик, шкафчик размером с обувную коробку и иллюминатор, заляпанный снаружи чем-то подозрительно напоминающим засохшую космическую слизь.

Я бросил вещмешок на койку, которая жалобно скрипнула.

Что ж. Суровая реальность оказалась даже суровее, чем я думал. Но зато теперь у нее была цель. И возможность доказать высокомерным ксаарианцам, что земляне не пальцем деланы.

Из вентиляционной решетки под потолком высунулась мохнатая морда Грини.

— Эй, лейтенант! — крикнул хомяк. — Если ты начнешь храпеть, я тебе в вентиляцию веселящего газа пущу, понял? И да, если у тебя все-таки есть семечки, сейчас самое время наладить дипломатические контакты с инженерным отсеком!

Я рассмеялся. За Императора и Терру, Гриня!.

Глава 3

Прощай, Солнечная система

Боевая рубка «Аскольда» напоминала не нервный центр грозного боевого корабля, а скорее подсобку не самого аккуратного системного администратора, которую по нелепой случайности вывели на орбиту. Здесь царил полумрак, разбавляемый миганием десятков разнокалиберных экранов. В воздухе висел густой, почти осязаемый запах горелой изоляции, дешевого кофе и застарелого табака.

Мое рабочее место — пост наводчика оружейных систем и тактического планирования — находилось по правому борту. Я подошел к креслу, обтянутому потрескавшимся кожзаменителем, и с сомнением потрогал ремни безопасности. Они выглядели так, будто их срезали со списанного атмосферного флаера.

— Падай, лейтенант, не стесняйся, — хрипло скомандовал Воронов. Он уже угнездился в командирском ложементе в центре рубки. Причем ложемент капитана был единственной деталью интерьера, которая выглядела относительно новой и надежной. — Ознакомься с интерфейсом. У нас тут своя, так сказать, специфика.

Я сел, застегнул ремни, которые тут же впились мне в ребра, и активировал пульт. Экран мигнул, выдал рябь, затем на нем появилась надпись архаичным зеленым шрифтом: «За-

грузка ОС "Щит-М", версия 4.12. Пожалуйста, подождите». Ниже крутился пиксельный значок песочных часов.

— Капитан, — я откашлялся, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и профессионально. — Система «Щит-М» была снята с вооружения линейного флота двадцать пять лет назад. В Академии мы проходили ее только на курсе истории вычислительной техники. Она же не поддерживает векторное наведение на гиперскоростях!

— А мы и не собираемся стрелять на гиперскоростях, сынок, — Воронов выпустил облачко дыма, которое тут же лениво втянулось в решетку вытяжки. — На гиперскоростях мы собираемся молиться. А эта система... ну да, старовата. Зато надежна, как кувалда. Ее невозможно взломать современными вирусами радиоэлектронной борьбы, потому что современные вирусы для нее слишком умные. Они просто не понимают, с каким примитивом имеют дело, и самоликвидируются от когнитивного диссонанса.

Я попытался осмыслить эту извращенную логику, но тут пульт наконец загрузился и выдал тактическую сетку. Сетка была кривовата. Сенсоры «Аскольда», судя по показаниям, видели окружающий космос так, как его видел бы близорукый крот через мутное стекло.

Из динамика внутренней связи раздался оглушительный треск, а затем писклявый, но властный голос Грини:

— Мостик, это машинное! Если мы сейчас не отчалим, я за себя не ручаюсь! Михалыч полез чистить дюзы маневро-

вых двигателей и нашел там гнездо космических паразитов! Они жрут наш водород!

— Отставить панику, Гриня, — спокойно ответил Воронов, щелкнув тумблером. — Готовность к отстыковке — три минуты. Дай давление на плазмоводы.

— Даю! — рявкнул хомяк. — Но если правый компенсатор чихнет, я лично приду в рубку и откушу кому-нибудь ногу! И это будешь не ты, капитан, твоя железка невкусная! Лейтенант, ты там пристегнулся?

— Так точно, товарищ... э-э-э... младший помощник старшего механика, — отозвался я, чувствуя себя полным идиотом, отдавая рапорт грызуну.

— Хорошо. А теперь зажмурься и молись Императору! Михалыч, врубай!

Палуба под ногами мелко завибрировала. Заглушенный броней, откуда-то из кормы донесся натужный гул, словно там просыпался гигантский, очень недовольный медведь с похмелья. Вибрация усилилась, перейдя в неприятную дрожь, от которой зубы начали выбивать дробь.

— Диспетчерская Южного кольца, это борт ИК-774-91, позывной «Аскольд», — монотонно проговорил в гарнитуру Воронов. — Запрашиваю коридор для выхода.

— «Аскольд», это диспетчерская, — ответил скучающий женский голос. — Коридор 4-Браво ваш. Да поможет вам гравитация. Постарайтесь не рассыпаться в пределах дока, у нас сегодня санитарный день, уборщики будут ругаться.

Счастливого пути. За Императора и Терру.

— За Императора и Терру, — буркнул Воронов. — По-ехали.

Маневровые двигатели чихнули. Именно так — чихнули, выдав серию неритмичных толчков. Корабль тяжело оторвался от магнитных захватов и, словно нехотя, пополз из ангара.

В иллюминаторах рубки медленно проплывали циклопические конструкции Южного орбитального кольца. Сверкающие металлом грузовые баржи, изящные яхты богачей с Земли, строгие силуэты таможенных катеров. На их фоне мы смотрелись как бездомный попрошайка, случайно забредший на королевский бал. Я видел, как техники в прозрачных галереях дока провожают нас взглядами. Кто-то крутил пальцем у виска, кто-то крестился.

Мы вышли из дока и начали разгон. Гул в корме сменился надсадным воем.

— Переход на маршевые двигатели через десять, — объявил Воронов. — Чехов, следи за радаром. Как только выйдем за пределы гравитационного колодца Земли, прыгаем.

— Капитан, маршевые работают на семидесяти процентах мощности, — доложил я, глядя на прыгающие столбики диаграмм на своем пульте. — Если мы дадим сто, реактор грозит уйти в критическую зону.

— Мы никогда не даем сто, лейтенант. Иначе Гриня выполнит свое обещание насчет ноги. Восемьдесят процентов

— наш предел.

Земля за иллюминатором медленно отдалялась, превращаясь из огромной, занимающей полнеба сферы в прекрасный сине-белый шар. Рядом серебрился холодным светом Лунный диск, усеянный оспинами кратеров и огнями колоний. Это был мой дом. Мой уютный, понятный и безопасный дом, который я покидал впервые в жизни. В Академии мы летали только до орбиты Марса на учебных фрегатах, где каждый болт сиял хромом, а перегрузки гасились новейшими инерциальными демпферами.

— Ностальгируешь, лейтенант? — спросил Воронов, не отрывая взгляда от навигационного монитора.

— Никак нет, капитан. Оцениваю тактическую обстановку в родном секторе, — соврал я.

— Оценивай-оценивай. Больше ты такой красоты не увидишь очень долго. Дикий Космос — место уродливое. Там нет законов, нет полиции и нет спасательных патрулей. Если там у тебя глохнет двигатель, ты не вызываешь эвакуатор. Ты пишешь предсмертную записку и надеешься, что кислород кончится раньше, чем тебя найдут мародеры.

Утешил, ничего не скажешь.

«Аскольд» миновал орбиту Марса. На радаре мелькнули красные точки — тяжелые крейсера патруля Внутреннего Кольца. В Академии я до ужаса боялся попасть туда по распределению. Думал — тоска зеленая, рутина. Сейчас, глядя на их ровный, дисциплинированный строй, я почувство-

вал острый укол зависти. У них там, наверное, горячий душ, нормальный кофе и пушки, которые стреляют туда, куда целишься, а не туда, куда пошлет Император.

— Внимание экипажу! — голос Воронова по громкой связи стал жестким и сухим. — Мы выходим на точку прыжка. Расчетные координаты: сектор Ориона, квадрат 44-Зета. Нейтральная зона. Всем занять места согласно боевому расписанию. Михалыч, Гриня! Готовьте гиперпривод.

— Готовим, туды его в качель! — донесся из динамика голос Михалыча, перемежаемый звоном падающих инструментов. — Гриня, держи синий провод! Нет, не этот синий, а тот, который с изолянткой!

— Они оба с изолянткой, лысая твоя голова! — верещал хомяк. — Ладно, держу оба! Если меня убьет током, завещаю свои орехи Доку, пусть подавится!

Я вцепился в подлокотники кресла. В ИКАР нам читали подробные лекции о гиперпространственных прыжках. Современные технологии сделали этот процесс плавным и безопасным. Корабль генерирует вокруг себя темпоральный пузырь, пронзает ткань реальности и скользит по подпространственным течениям. На симуляторах это выглядело как легкий толчок в спину и изменение цвета звезд за бортом с белого на фиолетовый. Инструкторы говорили: «Прыжок — это как поездка на скоростном лифте. Вы даже не заметите, как окажетесь на месте».

Я посмотрел на мигающий красным индикатор «Инерци-

альные демпферы» на моем пульте. Рядом была приклеена бумажка с надписью от руки: *«Включать только по праздникам. Жрут энергию»*.

— Капитан, — нервно сглотнув, спросил я. — А демпферы мы активировать не будем?

Воронов посмотрел на меня с искренней жалостью. — Демпферы, лейтенант, сгорели еще при прошлом Императоре. А те, что мы купили на черном рынке в Церере, не тянут массу корабля. Так что дыши глубже, стисни зубы и постарайся не откусить себе язык. Док!

В рубку ввалился судовой врач. На нем был надет старый, потертый скафандр с откинутым забралом. В руках он держал аптечку впечатляющих размеров. — Туточки я, капитан! — радостно возвестил он, привязывая себя ремнями к откидному сиденью у переборки. — Лейтенант, вы как с вестибулярным аппаратом дружите? Пакетик не нужен? У меня есть со вкусом клубники!

— Обойдусь! — процедил я, чувствуя, как потеют ладони.

— Ну-ну. Мое дело предложить. Если что, швабра в коридоре, убирать будете сами.

— Тридцать секунд до прыжка! — объявил Воронов. — Накопители энергии полные. Михалыч, своди поле!

Гул двигателей резко оборвался. На секунду в рубке повисла абсолютная, звенящая тишина. А затем начался ад.

«Аскольд» застонал. Этот звук нельзя было описать иначе. Словно миллионы тонн металла одновременно решили

сжаться в одну точку. Внешние камеры отключились, экраны залило статикой.

— Десять секунд! — крикнул Воронов, перекрывая нарастающий рев. — За Императора и Терру!

— За Императора и Терру! — машинально, с ноткой паники в голосе, откликнулся я.

«Пять. Четыре. Три. Два. Один. Прыжок!»

Пространство за лобовым стеклом рубки лопнуло. Оно не стало фиолетовым, как учили в Академии. Оно превратилось в кипящий, тошнотворный водоворот серого и черного цвета.

А потом нас ударило.

Никакого «легкого толчка в спину». Возникло ощущение, что «Аскольд» с размаху врезался в бетонную стену на скорости звука, а затем стену провернули в гигантской мясорубке вместе с нами.

Меня швырнуло вперед, ремни безопасности врезались в ключицы с такой силой, что хрустнули суставы. Воздух с шумом вырвался из легких. Желудок совершил мертвую петлю, попытался вырваться наружу через уши, но передумал и завязался морским узлом.

Корабль трясло так, что у меня заклацали зубы. Искры брызнули из панелей управления, освещая рубку стробоскопическими вспышками. Где-то в глубине коридоров что-то с грохотом оторвалось и полетело, круша переборки.

— Держать поле! — орал в микрофон Воронов, его лицо

перекосило от перегрузки. — Михалыч, не дай ему схлопнуться, иначе нас размажет по подпространству!

— Держу, твою дивизию! — вопил в ответ механик. — Гриня, руби резервный контур!

— Рублю! А-а-а, хвост прищемило! Лысые садисты! — визг хомяка пробивался даже сквозь рев гиперперехода.

Моя голова моталась из стороны в сторону, золотые лейтенантские погоны, предмет моей гордости, больно били по щекам. Симуляторы в Академии? Да они, черт возьми, льстили земному флоту! Они создавали иллюзию, что мы покорили космос! А на самом деле мы летели сквозь него, цепляясь посиневшими пальцами за кусок ржавого железа, молясь всем известным богам, чтобы изолента выдержала!

Дрожь перешла в дикую, неконтролируемую вибрацию. Я почувствовал, как пломба в нижнем зубе предательски зашаталась. Монитор передо мной окончательно погас, издав жалобный писк.

— Выходим! — рявкнул капитан.

И снова удар. На этот раз нас вжало в кресла. Водоворот за стеклом внезапно схлопнулся, сменившись россыпью чужих, незнакомых звезд на фоне непроглядно-черного бархата космоса.

«Аскольд» вывалился в нормальное пространство, тяжело переваливаясь с борта на борт, словно выброшенный на берег кит. Двигатели надсадно кашлянули и перешли на холстой ход.

Тряска прекратилась так же внезапно, как и началась. В рубке повисла тяжелая тишина, нарушаемая только шипением разорванного трубопровода охлаждения где-то под потолком. На пульте Дока лениво мигала красная лампочка.

Я сидел, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники, и тяжело, со свистом дышал. Сердце колотилось где-то в районе горла. Во рту стоял отчетливый привкус меди и машинного масла.

— Все живы? — хрипло спросил Воронов. Он небрежно смахнул с панели управления кусок отвалившейся пластиковой обшивки.

— Жив, — прохрипел я, пытаюсь сфокусировать взгляд. Правый глаз упорно косил в сторону. Пломба все-таки выпала. Я аккуратно сплюнул ее на ладонь и сунул в карман комбинезона.

— Док?

— Пульс сто сорок, давление скачет, но в целом пациент скорее жив, — бодро отрапортовал врач, отстегиваясь. — Лейтенант, вы выглядите бледновато. Точно пакетик не нужен? А то у меня есть еще транквилизаторы. Могу вколоть, будете до самого Ориона улыбаться!

— Отстань от офицера, коновал, — Воронов шелкнул тумблером связи. — Машинное! Доклад!

В динамике долго слышались тяжелое дыхание, звон металла и забористый, многоэтажный мат, в котором причудливо сплетались термины квантовой физики и анатомиче-

ские подробности разных видов животных.

— Капитан, — наконец раздался усталый бас Михалыча. — У меня две новости. Плохая: у нас выбило три предохранителя на главном контуре, сорвало резьбу на клапане подачи охладителя, и Грине прищемило хвост броне дверью.

— А хорошая?

— Хорошая новость в том, что мы не взорвались. Пока что. Дайте нам три часа, синюю изоленту и пару мотков проволоки, и мы поставим это корыто на ход. Гриня, хватит выть, я тебе пластырь наклею!

— На задницу, себе наклей, примат криворукий! — донесся гневный писк. — Я инвалид! Требую компенсацию семечками в тройном размере!

Воронов вздохнул, потер переносицу и посмотрел на меня.

— Ну, добро пожаловать в Дикий Космос, лейтенант. Инициация пройдена. Как тебе наш гипердвигатель?

Я осторожно потрогал челюсть, проверяя, на месте ли остальные зубы, расстегнул ремни и выпрямился. Страх постепенно отступал, уступая место злой, спортивной ярости.

Академия врал. Земные корабли — это не сверкающие мечи правосудия. Это дубины, сколоченные из того, что было под рукой. Но если эта дубина смогла пережить такой прыжок и не развалиться на атомы, значит, в ней есть что-то большее, чем просто сталь и провода.

В ней был характер. Вздорный, ржавый, скрипучий, но ха-

рактер.

— Двигатель дрянь, капитан, — честно ответил я, криво усмехнувшись. — Но свои функции выполняет. Разрешите провести диагностику оружейных систем? Если мы встретим здесь пиратов или ксаарианцев, я хочу быть уверен, что наши пушки не взорвутся нам в лицо при первой же попытке выстрелить.

Воронов одобрительно кивнул. — Разрешаю, Чехов. Действуй. Док, сделай нам кофе. И плесни туда чего-нибудь покрепче. За Императора и Терру.

— За Императора и Терру, — эхом отозвался я, поворачиваясь к своему пульту, который как раз соизволил перезагрузиться.

Суровая реальность Большого Космоса распахнула перед нами свои объятия. И, судя по всему, в этих объятиях было очень легко сломать шею. Но русские офицеры так просто не сдаются. Особенно когда у них в команде есть капитан-киборг, механик-пессимист, врач-садист и гигантский злой хомьяк с разводным ключом.

Галактика, держись. «Аскольд» прибыл.

Глава 4

Добро пожаловать в Дикий Космос

Кофе, который принес Док, на вкус напоминал отработанное машинное масло, щедро разбавленное медицинским. Но после гиперпространственного прыжка, от которого мои внутренности до сих пор пытались занять свои законные места согласно анатомическому атласу, этот напиток показался мне амброзией.

Я сидел в своем ложементе, вцепившись обеими руками в теплую кружку, и сверлил мрачным взглядом мигающий зеленый экран системы «Щит-М».

— Капитан, — нарушил я тишину рубки. — Разрешите доложить о результатах диагностики оружейных систем?

Воронов, который в этот момент задумчиво ковырял ножом панель навигационного компьютера, пытаясь заставить его показывать хоть что-то, кроме надписи «Ошибка 404: Галактика не найдена», оторвался от своего занятия и кивнул.

— Докладывай, лейтенант. Обрадуй старика. У нас есть из чего стрелять, или будем отбиваться от врагов томиками устава?

— Стрелять есть из чего, — я вздохнул, ставя кружку на пульт. — Спаренная батарея курсовых плазменных излучателей в норме. Генераторы накачки выдают стабильное напряжение. Проблема в другом. Проблема в системе наведе-

ния.

— А что с ней не так? — удивился капитан. — Надежная вещь. Еще мой дед на такой летал.

— Вот именно! — не выдержал я. — Капитан, эта система старше, чем концепция межзвездного права! У нее нет сопровождения цели! Нет предиктивных алгоритмов уклонения! Джойстик наведения вообще, по-моему, приклеен к пульта жвачкой! В Академии мы привыкли: выделил цель на голографическом дисплее, нажал кнопку, и умная ракета сама найдет уязвимое место в щитах противника. А здесь мне предлагается целиться... вручную? По перекрестию на плоском экране?! Да я с таким же успехом могу смотреть в подзорную трубу и кричать «Пиф-паф»!

Сверху раздалось ехидное шуршание, вентиляционная решетка с лязгом откинулась, и в рубку свесилась усатая морда Грини. На его хвосте красовался внушительный моток белоснежного медицинского пластыря, который Док наматал от души и с запасом. Хомяк демонстративно захрустел семечками.

— О, слушайте, как заливается наш академик! — язвительно пропищал Гриня. — «Умная ракета», «голографический дисплей»! Мальчик привык, что за него все думает компьютер. А ты ручками, ручками попробуй! Настоящий космос, золотопогонник, это когда ты стреляешь на глазок, рассчитывая поправку на солнечный ветер и кривизну своих рук! Если ты мазила, то никакая умная ракета тебя не спасет.

— Гриня, сдрыснул в машинное! — рыкнул Воронов. — Не мешай офицеру впадать в депрессию.

— Я не впадаю в депрессию, — оскорбился я, хотя хомяк был отчасти прав. Уверенность в своих силах, вбитая на симуляторах, таяла на глазах. — Я просто констатирую факт: если мы встретим маневренного противника, мне придется применять методы баллистики восемнадцатого века.

— Значит, будешь применять, — отрезал капитан. — Ты же у нас гений тактики? Вот и прояви гениальность.

Не успел я ответить, как радар на пульте навигации издал хриплый, надтреснутый писк. На тусклом экране замигала одинокая желтая точка.

В рубке мгновенно повисла напряженная тишина. Гриня перестал жевать и скрылся в вентиляции, только хвост в пластыре мелькнул. Воронов подобрался, его кибернетическая нога тихо лязгнула, когда он перенес на нее вес.

— Пеленг 2-15, дистанция... примерно сто тысяч километров, — доложил я, вглядываясь в архаичную сетку радара. — Сигнал слабый. Похоже на автоматический маяк бедствия. Транспондер передает код гражданского сухогруза «Толстый порос». Судя по телеметрии, у них отказ маршевых двигателей и утечка кислорода.

Я повернулся к капитану, ожидая приказа на спасательную операцию. В уставе ИКАР было четко прописано: неоказание помощи терпящим бедствие в космосе карается трибуналом.

Но лицо Воронова выражало не сочувствие, а хищное предвкушение. Он потянулся к пульту и вывел изображение с оптических сенсоров на главный экран.

Сквозь помехи и статическое шипение мы увидели дрейфующий в пустоте корабль. Он действительно выглядел как старый, пузатый сухогруз, из кормы которого вырывались редкие искры, имитирующие короткое замыкание.

— «Толстый порос», значит... — протянул Воронов, и его губы разъехались в недоброй усмешке. — Какое трогательное название. Прямо слеза наворачивается. Лейтенант Чехов, как лучший выпускник, скажи мне: что делает одинокий, сломанный сухогруз на самой границе Дикого Космоса, вдали от всех торговых трасс?

Я нахмурился, быстро анализируя вводные данные. — Заблудился при гиперпрыжке? Сбой навигации?

— Ага. А еще он совершенно случайно забыл включить аварийные габаритные огни, но при этом его маяк орет на всех частотах, пробивая даже фоновое излучение ближайшей звезды, — капитан покачал головой. — Учат вас там, в Академии, красивым маневрам, а жизни вы не знаете. Это засада, сынок. Классическая ловушка «Мертвый жук».

— Пираты? — у меня по спине пробежал неприятный, но будоражащий холодок.

— Они самые. Стервятники Дикого Космоса. Сидят внутри этой декоративной скорлупы и ждут, когда какой-нибудь сердобольный идиот вроде нас подойдет поближе, что-

бы оказать помощь. А потом — бац! — скорлупа открыва-
ется, а там батарея абордажных орудий и толпа головорезов.

— И что мы будем делать? — я положил руки на пульт управления огнем. Пальцы сами собой легли на липкий джойстик. Сердце забилося чаще. Первый реальный бой! — Разрешите открыть огонь с дальней дистанции? Сожжем их до того, как они поймут, что мы не безобидные исследова-
тели!

— Отставить огонь, — рявкнул Воронов. — Мы не будем тратить энергию на стрельбу в молоко с такого расстояния. Твоя дотопотопная пушка на сто тысяч километров в жизнь не попадет. Мы сыграем в их игру. Подойдем поближе.

Он щелкнул тумблером громкой связи. — Экипаж, внимание! Боевая тревога, код «Тихая мышь». Михалыч, убавь тягу до двадцати процентов, пусть наши дюзы коптят и плюются плазмой, как у астматика. Док, готовь реанимацию, мало ли. Гриня... просто ничего не трогай!

Мы медленно, словно нехотя, поползли к дрейфующему «сухогрузу». Я смотрел на экран, как замороженный. Сто тысяч километров. Пятьдесят. Десять.

— Входящий вызов на открытой частоте, — сухо доложил я. — Голосовой и видеоканал.

— Выводи на экран, — скомандовал капитан и мгновенно преобразился. Его хищный оскал исчез, плечи ссутулились, лицо приобрело выражение испуганного, уставшего от жизни старика, который случайно забрел не в тот район.

На экране появилось изображение с мостика пиратского корабля. Никаких повязок на глазу и деревянных ног, разумеется, не было. На нас смотрел массивный, бритоголовый гуманоид со шрамом, пересекающим лицо от уха до подбородка. Его броня была собрана из кусков экипировки разных флотов, а за спиной виднелись еще несколько мрачных личностей с тяжелыми импульсными винтовками.

— Эй, на ржавом корыте! — прохрипел пират. — Говорит капитан Грош с вольного крейсера «Кровавый коготь»! Глуши двигатели и опускай щиты, если они у тебя вообще есть. Мы идем на абордаж. Соппротивление бессмысленно.

— К-к-какой абордаж? — блестяще, с натуральным заиканием отыграл Воронов. — Господа хорошие, вы ошиблись! Мы мирная исследовательская экспедиция! Институт изучения космической пыли имени Циолковского! У нас ничего нет, кроме пробирок, геологических молотков и больших цингой лаборантов! Пожалуйста, отпустите нас, мы государственное судно!

Пират мерзко заржал. — Государственное? Тем лучше. За ваши тушки Империя, может, и заплатит пару кредитов. А корабль пустим на металлолом. Глуши двигатели, старый хрыч, считаю до трех! Один!

Они подошли вплотную. Дистанция сократилась до смешных двух километров. В космосе это расстояние вытянутой руки. Я видел в оптику, как фальшивые панели на бортах сухогруза с шипением отстреливаются, обнажая хищные ство-

лы турболозеров и магнитные захваты для абордажа.

— Два! — рявкнул пират.

Воронов мгновенно выпрямился. Испуганный старик исчез, на его месте снова появился безжалостный имперский офицер.

— Чехов, маскировку долой. Главный калибр — товсь! — голос капитана лязгнул металлом.

Я вдавил красную кнопку на пульте. «Аскольд» содрогнулся. Фальшивые листы обшивки, скрывавшие наши орудия, откинулись в стороны. Зеленая труба охлаждения заурчала, наполняясь жидким фреоном. Генераторы завывли на высоких нотах, перекачивая энергию в боевые конденсаторы. Из неповоротливого, старого утюга мы в секунду превратились в оцетинившегося стволами хищника.

Лицо пирата на экране комично вытянулось. Челюсть отвисла, обнажив неровные желтые зубы.

— Какого х... — только и успел произнести он.

— За Императора и Терру, ублюдок, — прорычал Воронов и ударил кулаком по кнопке разрыва связи. — Огонь, лейтенант! Сожги их!

Мои пальцы сжались на джойстике. Перекрестие прицела на экране прыгало, как сумасшедшее. Я попытался поймать в него центр массы пиратского корабля, вспомнил все уроки баллистики, сделал поправку на их медленное смещение и нажал на гашетку.

ВЖУХ!

Отдача была такой, что меня вмяло в кресло. Двойной луч ослепительно-голубой плазмы сорвался с носа «Аскольда», пронзил космический вакуум и...

И прошел мимо.

Ну, как мимо. Он великолепно, с хирургической точностью снес пиратам верхнюю коммуникационную антенну и слегка подпалил краску на обшивке. Но реактор и оружейные батареи остались целехоньки.

— Мазила! — завопил из вентиляции Гриня. — Ты куда стреляешь, косо́й?! Тебе в ИКАРе глаза на затылок пересадили?!

Мое лицо залило краской стыда. Я промахнулся. Я, лучший наводчик выпуска, промахнулся в упор! Проклятый джойстик заело в последнюю миллисекунду!

Пираты, оправившись от первого шока, не стали задавать вопросов. Их борта вспыхнули ответным огнем.

Нас тряхнуло так, что Док, высунувшийся из медотсека, с ругательствами улетел обратно в коридор.

— Щиты на сорока процентах! — заорал я, глядя на мигающие красным индикаторы. — Они бьют из импульсных пушек!

— Я вижу, что не из рогаток! — рявкнул Воронов. — Стреляй, Чехов! Стреляй, мать твою, пока они нас на атомы не разобрали! Михалыч, дай маневр уклонения!

«Аскольд» неуклюже дернулся в сторону, уходя из-под очередного залпа. В рубке запахло паленой проводкой. Сиг-

нализация выла дурным голосом.

В голове было пусто. Все эти изящные тактические схемы, многовекторные расчеты и стратегии, которые я зубрил пять лет, оказались абсолютно бесполезны, когда у тебя залипает кнопка, а корабль трясется, как припадочный.

«Настоящий космос — это когда ты стреляешь на глазок», — вспомнились мне слова хомяка.

Я стиснул зубы. Отключил автоматическую синхронизацию. Вывел на экран прямую картинку с оптики, без всяких цифровых сеток. Прищурился, глядя на стремительно увеличивающийся в размерах пиратский крейсер.

Математика. Чистая математика и физика. Угол возвышения. Вектор тяги. Инерция. Я представил себе, что джойстик — это не деталь пульта, а продолжение моей руки.

Пираты начали разворот, чтобы дать бортовой залп из тяжелых орудий. Их двигатели вспыхнули ярче.

— Давай, родной, — прошептал я джойстику. — Ну же.

Я резко дернул рукоять на себя и влево, упреждая их маневр, и со всей силы вдавил гашетку, не дожидаясь, пока загорится зеленый индикатор готовности.

ВЖУХ!

На этот раз плазменные лучи ударили прямо в цель. Ярчайшая вспышка беззвучно озарила вакуум. Два копия энергии пробили хлипкие пиратские щиты, как бумагу, и вошли аккуратно в левую гондолу маршевых двигателей «Кровавого когтя».

Взрыв был красивым. Гондолу оторвало с корнем, корабль пиратов дико закрутило вокруг своей оси, из пробитого корпуса вырвался сноп искр и замерзающих облаков воздуха. Их турбозеркала беспорядочно выстрелили в пустоту и потухли.

— Попадание! — заорал я, вскакивая с места и забыв про ремни, которые тут же больно дернули меня обратно. — Двигательный отсек уничтожен! Они обездвижены!

В рубке воцарилась тишина, прерываемая только воем сирены и нашим тяжелым дыханием.

— Михалыч, отбой уклонения, — спокойно скомандовал Воронов. — Док, выруби эту чертову сирену, по ушам бьет.

Он повернулся ко мне. В его глазах плясали веселые искры.

— А ты, лейтенант... со второго раза, но попал. Для академического хлюпика — сойдет. Но еще раз так промахнешься, и я заставлю тебя чистить дюзы зубной щеткой снаружи. Без скафандра.

— Есть чистить дюзы, капитан! — я выдохнул, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя дрожь в коленях и дикую эйфорию. Я сделал это. Я подбил настоящий пиратский корабль!

— Добивать будем? — деловито поинтересовался я, снова кладя руку на пульт.

— Обойдутся, — Воронов махнул рукой. — Энергию еще на них тратить. У них системы жизнеобеспечения целы, ра-

дар тоже. Пусть сидят, кукуют и ждут спасателей. Будет им урок: не стоит бросаться на каждый старый уют, иногда уют может и ошпарить.

Из вентиляции снова показалась морда Грини. — Ну, ладно. Беру свои слова обратно. У примата есть задатки. Но антенну ты им снес красиво. Наверное, они очень расстроились, что не смогут досмотреть свой любимый сериал. Лейтенант, с тебя пачка жареных фисташек за моральный ущерб!

Я откинулся в кресле и рассмеялся. Нервно, громко, от души. Реальный космос оказался грязным, потным, страшным и абсолютно непредсказуемым. Здесь все держалось на изолянте, матерном слове механика и интуиции.

Но, черт возьми, мне это начинало нравиться.

— За Императора и Терру, — тихо сказал я, глядя, как «Аскольд» медленно, но уверенно ложится на прежний курс, оставляя позади поверженного врага и погружаясь все глубже в холодные, опасные объятия Дикого Космоса. Впереди нас ждала станция Предтеч. И если ксаарианцы думают, что смогут забрать ее без боя — они жестоко ошибаются.

Глава 5

Фисташковая дипломатия и космические слизи

Спустя двое стандартных земных суток полета в Диком Космосе я окончательно уяснил для себя три вещи. Во-первых, парадный мундир можно смело пускать на ветошь — здесь в почете были исключительно засаленные комбинезоны. Во-вторых, в космосе нет понятия «день» или «ночь», есть только смены вахты и красные от недосыпа глаза. И в-третьих, самое страшное на «Аскольде» — это не пираты, не угроза взрыва реактора и даже не ксаарианцы.

Самое страшное на «Аскольде» — это когда Док объявляет, что сегодня его очередь дежурить по камбузу.

Кают-компания встретила меня тусклым светом и запахом, который не поддавался логическому осмыслению. Он сочетал в себе нотки горелой резины, прокисшего капустного рассола и чего-то неуловимо медицинского, вроде хлорки или формалина. Желудок, еще не до конца пришедший в себя после гиперпрыжка и боевого крещения, предательски сжался и попытался притвориться мертвым.

За прикрученным к полу пластиковым столом сидели Воронов и Михалыч. Капитан меланхолично ковырял алюминиевой вилкой в глубокой миске, где плескалась серо-бурая субстанция подозрительно вязкой консистенции. Старший механик в еду даже не смотрел. Он уперся взглядом в стену

и тихо, монотонно бормотал что-то про износ сальников и тщетность сущего.

— А, лейтенант! Проходи, садись! — радостно возвестил Док, выныривая из крошечного отсека, гордо именуемого пищеблоком. На нем поверх грязного медицинского халата был повязан не менее грязный фартук с веселеньким рисунком в виде ромашек. В руках он держал половник, с которого на палубу капало нечто слизистое. — У нас сегодня праздничный обед в честь первой победы! Рагу по-астероидному!

Я сглотнул, сядя на свободный стул. Док с размаху плюхнул в мою миску щедрую порцию серо-бурой массы. Внутри массы что-то булькнуло и, как мне показалось, попыталось уползти на край тарелки.

— Док, — осторожно начал я, отодвигая миску на безопасное расстояние. — А из чего... из чего это приготовлено? В Академии нас кормили сублимированными пайками. Они были безвкусными, но, по крайней мере, они не пытались вступить со мной в зрительный контакт.

— О, это старинный рецепт вольных старателей! — гордо подбоченился врач, сверкнув металлическим зубом. — Основа — соевый белок из гидропонной установки, немного сушеных водорослей для текстуры, а главный ингредиент я выменял у одного контрабандиста на орбите Цереры. Заспиртованные кольцевые слизи с Проксимы! Говорят, они невероятно богаты аминокислотами и повышают регенерацию тканей. Самое то для растущего офицерского организ-

ма!

Михалыч тяжело вздохнул, закрыл лицо руками и глухо простонал: — Мы все умрем. Если нас не расщепят на атомы ксаарианцы, нас добьет кулинария этого маньяка с дипломом ветеринара. Капитан, разрешите я пойду попою антифриза? Он хотя бы пахнет предсказуемо.

— Отставить панику, механик, — невозмутимо отозвался Воронов. Он зацепил вилкой продолговатый, подозрительно пружинящий комок, хладнокровно отправил его в рот и начал жевать. Судя по хрусту, слизень сдаваться не собирался. — Ешьте. Энергия нам понадобится. Через шесть часов выходим в квадрат 44-Зета. Там нас могут ждать гости посерьезнее ржавых пиратов.

Я с ужасом посмотрел на свою порцию. В этот момент из вентиляционной решетки над столом с характерным металлическим скрежетом вывалился Гриня. Хомяк грациозно приземлился на свободный край стола, едва не опрокинув кружку капитана. На нем был надет крошечный сварочный щиток, сдвинутый на лоб, а шерсть на левом боку слегка дымилась.

— Михалыч, я запаял тот пробой в магистрали охлаждения, — деловито пропищал хромб, отряхиваясь от сажи. — Но если ты еще раз заставишь меня лезть в дюзу третьего маневрового без термокостюма, я напишу жалобу в Имперское общество защиты разумных грызунов!

Гриня принялся, повел носом в сторону моей тарелки

и скривился так, будто ему под нос сунули дохлую крысу.

— Твою мать, Док! Ты опять варил свои подошвы? — возмутился хомяк. — Это даже утилизатор отходов переварить не сможет! Он в прошлый раз после твоего рагу два дня ошибку системы выдавал и плевался пеной!

— Ты ничего не понимаешь в высокой кухне, мохнатый! — обиделся Док, прижимая половник к груди. — Это деликатес!

— Это биологическое оружие! — парировал Гриня. Он повернулся ко мне и требовательно протянул мохнатую лапку ладонью вверх. Глазки-бусинки недобро блеснули. — Ну что, золотопогонник? Должок за мной? Антенну ты сбил красиво, признаю, хоть и косою. Где моя компенсация за моральный ущерб и прищемленный хвост?

Я улыбнулся, расстегнул нагрудный карман комбинезона и достал оттуда пластиковый пакет, который прихватил из своих личных запасов еще на станции. Пакет был доверху набит отборными иранскими фисташками — крупными, слегка подсоленными, с приоткрытой скорлупой. Дефицитный товар даже на Земле, а уж в космосе — твердая валюта.

— Держи, младший помощник старшего механика, — я с уважением положил пакет в лапу Грине. — Как договаривались. Иранские. Обжаренные.

Гриня взвесил пакет в руке, недоверчиво принялся к пластику, затем ловко ковырнул когтем спайку. Извлек одну фисташку, покрутил ее так и эдак. Раздался громкий хруст.

Хомяк зажмурился, его пухлые щеки задвигались с невероятной скоростью. Он проглотил ядро, сплюнул скорлупу прямо в тарелку с рагу Дока и открыл глаза. Во взгляде инопланетного грызуна читалось благоговение.

— Лейтенант... — проникновенно, почти басом произнес Гриня. — Я забираю свои слова назад. Ты не лысая макака. Ты — уважаемый примат с отличным вкусом. Значит так, если эта старая калоша (он кивнул на Воронова) или этот депрессивный сантехник (кивок на Михалыча) будут на тебя наезжать — скажи мне. Я им в обувь гаек насыплю. А теперь пошли со мной. У нас дело есть.

— Какое дело? — я с радостью отодвинул миску с рагу, воспользовавшись предлогом, чтобы не есть.

— Пушку твою шаманить будем, — Гриня закинул пакет с фисташками за спину, как рюкзак. — Ты же жаловался, что у тебя джойстик залипает? Ну так вот, я посмотрел чертежи этой вашей системы «Щит-М». Это же каменный век! Там механики больше, чем электроники. У тебя сервопривод поворотного механизма забился космической пылью и нагаром от плазмы. Надо лезть во внешний контур башни и чистить вручную. Пошли, академик. Покажу тебе, как пахнет настоящая работа.

Капитан Воронов усмехнулся, глядя, как я с облегчением вскакиваю из-за стола. — Идите, чините. Чехов, если через три часа пушка не будет крутиться как балерина на льду, я заставлю тебя съесть две порции рагу Дока. За Императора

и Терру.

— За Императора и Терру, капитан! — горячо ответил я и поспешил за ковляющим к выходу Гриней.

Внешний контур орудийной башни находился за пределами герметичного корпуса «Аскольда». Это означало только одно — выход в открытый космос. Экстравехикулярная активность, как изящно называли это в учебниках. «Прогулка по лезвию», как называли это бывалые космонавты.

Мы находились в тесном шлюзовом отсеке. Я натягивал жесткий, неудобный скафандр инженерной защиты. Он был желтого цвета, пах чужим потом и старым пластиком, а на правом колене красовалась огромная заплатка из вездесущей синей изоленты.

Гриня скафандр не надевал. Точнее, он надел только крошечный сферический шлем из прозрачного полимера, который плотно обхватил его шею, и магнитные ботинки размером с наперсток на все четыре лапы.

— Вам, хромбам, не нужен вакуумный костюм? — удивился я, защелкивая магнитные замки на перчатках. — А как же давление? Радиация? Температура?

— Пф-ф, — Гриня презрительно фыркнул, проверяя рацию в шлеме. Связь работала отлично, его голос звучал прямо у меня в наушниках. — Наша родная планета, Хромб-Прайм, вращается вокруг пульсара, у нас там атмосфера состоит из метана и аммиака, а гравитация такая, что вас, приматов, расплющило бы в блин. Наша шерсть покрыта есте-

ственным изолирующим секретом, который держит тепло и отражает легкую радиацию. А вакуум... ну, задерживаю дыхание минут на сорок, мне хватает. Главное — глазки не пучить, чтобы не лопнули. Готов?

— Готов, — я опустил светофильтр забрала. Сердце забилось чаще. Одно дело летать в симуляторе, другое — шагнуть в абсолютную пустоту.

— Шлюз, откачка воздуха, — скомандовал Гриня, нажимая лапой на красную кнопку панели.

Насосы взвыли, высасывая атмосферу из камеры. Звук становился все тише и тише, пока не исчез совсем, уступив место абсолютному, звенящему безмолвию космоса, нарушаемому лишь моим собственным тяжелым дыханием и радиоэфиром.

Внешняя створка шлюза медленно отползла в сторону.

Передо мной распахнулась Бездна. Черная, глубокая, равнодушная, усыпанная мириадами колючих, немигающих звезд-иглок. Где-то вдали клубились фиолетово-розовые газовые туманности сектора Ориона. Ни верха, ни низа. Только бесконечность, способная свести с ума, если смотреть в нее слишком долго.

— Не зависай, лейтенант, шевели поршнями, — раздался в ушах бодрый писк Грини. Хомяк ловко перешагнул комингс шлюза, магниты на его микроскопических ботинках глухо (хотя звука не было, я ощутил вибрацию через палубу) щелкнули по внешней обшивке. Он побежал по отвесной

стене корабля с такой легкостью, словно гулял по парку. — Страховочный фал пристегни! Я тебя ловить не буду, если сорвешься. У меня лапки!

Я сглотнул, прицепил карабин фала к направляющему рельсу и шагнул за борт.

Магнитные подошвы надежно приклеили меня к обшивке «Аскольда». Корабль снаружи выглядел еще более удручающе, чем изнутри. Огромная туша из щербатого металла, покрытая шрамами от микрометеоритов, следами сварки и нагаром. Впереди, метрах в пятидесяти, возвышалась надстройкой носовой орудийной башни. Спаренные стволы плазменных излучателей, толщиной с вековое дерево, тускло поблескивали в свете звезд.

Мы медленно двинулись к цели. Я переставлял ноги, как паралитик, стараясь не смотреть в бездну у себя под ногами (или над головой — в космосе это не имеет значения). Гриня скакал впереди, смешно виляя забинтованным хвостом.

Добравшись до башни, хомяк достал из своего пояса плазменный резак размером с шариковую ручку и ловко срезал пломбы с технического люка в основании турели.

— Так, академик, слушай сюда, — скомандовал он. — Внутри мы не пролезем, там только для меня место. Я сейчас залезу в поворотный механизм, доберусь до сервомотора. Там шестерни, на них слой нагара толщиной с палец, поэтому у тебя джойстик и клинит. Я буду соскребать грязь и брызгать растворителем, а ты бери вот этот ручной криво-

шип, вставляй в аварийный паз и крути башню туда-сюда, когда я скажу. Понял?

Гриня протянул мне увесистую металлическую рукоятку, напоминающую гигантскую мясорубочную ручку.

— Крутить башню главного калибра вручную? — я опешил. — Мы в каком веке живем?

— Мы живем на «Аскольде», лейтенант. Здесь физика работает на энтузиазме и матерном слове, — философски заметил Гриня. — Давай, вставляй в паз вон там, под красной полосой. И жди команды.

С этими словами хомяк протиснулся в узкую щель технического люка и скрылся в недрах орудия.

Я нашел нужный паз, вставил кривошип и уперся ногами в обшивку.

— Давай, крути влево! — раздался в наушниках пыхтящий голос хомяка. Слышался скрежет металла по металлу. — Сильнее, лысый! У тебя мышцы есть или только устав в голове?!

Я навалился на рукоять всем весом. Башня, весящая несколько десятков тонн, с мучительным, отдающимся через вибрацию в ботинках скрипом сдвинулась на пару градусов.

— Хорошо! Стоп! Теперь вправо! — командовал пушистый инженер. — О, Император, да тут крысы гнездо свили... А, нет, это старая ветошь. Давай, крути, не спи!

Мы провозились около часа. Я взмок так, словно пробежал марафон в полной выкладке. Внутри скафандра стало

жарко и влажно. Мышцы спины и рук горели огнем. Гриня периодически высовывался из люка, сплевывал черную мазутную слюну в вакуум (оно забавно кристаллизовалось шариками) и нырял обратно.

Зато по мере нашей работы башня начала поддаваться все легче и легче. Засохшая смазка и нагар отваливались, уступая место свежему маслу, которое щедро распылял хромб.

— Ну вот и все, — наконец Гриня вылез наружу, грязный как черт, но явно довольный собой. — Сервопривод чист как совесть младенца. Джойстик теперь будет летать от дуновения ветра. Можешь хоть крестики-нолики плазмой на астероидах рисовать. Собирай инструменты, погнали домой. У меня там еще полпачки фисташек не съедено.

Я с облегчением вытащил кривошип, чувствуя гордость. Мы это сделали. Вдвоем. Офицер-тактик и инопланетный грызун починили главное орудие имперского корабля с помощью ручной тяги и какой-то матери. В Академии бы никто не поверил.

Мы уже наполовину преодолели путь обратно к шлюзу, когда в наушниках внезапно взвыл голос капитана Воронова, искаженный помехами от защитного поля.

— Чехов! Гриня! Живо в шлюз! Код «Красный»! Повторяю, код «Красный»!

— Что случилось, кэп? — пискнул Гриня, мгновенно ускоряясь и переходя на галоп.

— Мы вышли в квадрат 44-Зета! — голос Воронова ляз-

гал металлом. — Радар засек мощную гравитационную аномалию. Это она. Станция Предтеч здесь. Но мы не одни.

Я похолодел. — Пираты?

— Хуже. Гораздо хуже, лейтенант. Ускорьтесь, мать вашу!

Мы ворвались в шлюз, едва не оторвав страховочные фалы. Едва створка закрылась, и давление начало восстанавливаться, я, не дожидаясь полного выравнивания, сорвал шлем и бросился по коридору в сторону боевой рубки. Гриня, цоккая когтями, несся следом, обгоняя меня на поворотах.

В рубке царил полумрак, освещаемый только кроваво-красными вспышками аварийного освещения. Воронов сидел в кресле, намертво сжав челюсти, и смотрел на главный тактический экран. Михалыч судорожно щелкал тумблерами на пульте инженерного контроля, пытаясь выжать из старого реактора максимум энергии для щитов.

Я прыгнул в свое кресло наводчика, на ходу застегивая ремни. Пульт послушно засветился. Я схватился за джойстик. Гриня не обманул — ручка ходила плавно, идеально реагируя на малейшее движение кисти.

— Капитан, система наведения в норме, готовность номер один! — выдохнул я. — Кто там? Где цель?

Воронов молча указал пальцем на обзорный экран.

Я поднял глаза и почувствовал, как желудок проваливается куда-то в район ботинок, несмотря на гравитацию.

Прямо по курсу, на фоне клубящихся газовых облаков туманности, висел колоссальный объект. Это не было похоже

на человеческие станции, собранные из модулей и ферм. Это был идеальный, гладкий октаэдр размером с небольшую луну, высеченный из неизвестного темного материала, который не отражал свет звезд, а словно поглощал его. Станция Предтеч. Артефакт древней расы, ради которого мы пересекли половину галактики на ржавом корыте.

Но пугало меня не это.

Между нами и станцией, перекрывая траекторию подхода, из ниоткуда возник корабль. Пространство вокруг него еще слегка рябило от выключения активного камуфляжа.

Он был прекрасен и ужасен одновременно. Идеально обтекаемый, похожий на каплю ртути, застывшую в вакууме. Никаких видимых дюз, никаких антенн или внешних орудий. Гладкая, перламутрово-серая обшивка переливалась холодным светом. Он казался хищником из высшей лиги, случайно наткнувшимся на больного, хромого шакала.

— Ксаарианцы, — выдохнул я, не веря своим глазам. — Тяжелый крейсер класса «Исказитель».

В Академии мы изучали эти корабли по обрывочным разведанным. Они были быстрее, маневреннее и мощнее любого земного аналога. Их энергетические щиты могли выдержать прямое попадание ядерной боеголовки, а фазированные излучатели резали броню, как нагретый нож масло.

— Они сидели в засаде под маскировочным полем, — процедил Воронов. — Ждали, пока кто-нибудь, вроде нас, не просканирует аномалию и не снимет первую линию древней

защиты. Мы сделали за них грязную работу.

Из динамика связи раздался мелодичный, пугающе спокойный и чистый голос. Программа-переводчик безупречно адаптировала его на русский язык, но в интонациях все равно сквозило ледяное высокомерие, свойственное расе, считающей себя венцом эволюции.

— Неизвестное судно земной постройки. Говорит командор Эл-Тарис, командующий исследовательским флотом Великого Ксаара. Вы нарушили границы закрытого сектора, объявленного культурным наследием нашей цивилизации. Глушите реактор, отключите системы жизнеобеспечения и приготовьтесь к уничтожению. Ваше присутствие здесь оскорбляет эстетику космоса.

В рубке повисла мертвая тишина. Михалыч перестал щелкать тумблерами. Гриня, запрыгнувший на мой пульт, тихо зарычал, обнажив острые резцы.

Ксаарианцы не брали пленных. Они даже не пытались нас ограбить. Они просто собирались стереть нас в порошок, как надоедливое насекомое на лобовом стекле.

Я посмотрел на капитана. Воронов сидел неподвижно. Его кибернетическая нога слегка подрагивала. Затем он медленно, очень медленно потянулся к панели управления связью.

Он нажал кнопку открытого канала. Откашлялся. И его скрипучий голос, усиленный передатчиками, полетел в пустоту навстречу совершенному кораблю пришельцев.

— Слышь, ты, ушастая перламутровая жаба, — очень спо-

койно, с расстановкой произнес капитан первого ранга Земной Империи. — Передай своему Великому Ксаару, что мы вертели вашу эстетику на главном калибре. Это судно — территориальная собственность человечества. И мы ничего глушить не будем.

Воронов отпустил кнопку и резко повернулся ко мне. В его глазах горел дикий, почти безумный огонь азарта.

— Чехов! Навести орудия в центр этой блестящей кастрюли! Михалыч, всю энергию со щитов на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.